

Сейран Джанумов

Московский городской педагогический университет (Россия)

DjanumovSA@mail.ru

Москва в творческом сознании А. С. Пушкина

Жизнь и творчество великого русского поэта неразрывно связаны с Москвой. О московских страницах биографии Пушкина, о пушкинских местах Москвы и Подмосковья написано немало книг и статей. Но Москва была не только местом рождения, женитьбы и источником вдохновения для поэта. В творчестве Пушкина Москва воспринималась как место, связанное с величайшими православными святынями и с важнейшими событиями русской истории, и, прежде всего, с Отечественной войной 1812 года. Для поэта Москва всегда оставалась центром русской государственности, русской духовности, многовековой культуры русского народа. В творческом сознании Пушкина Москва – это первая столица русского государства, *мать градов России* («Воспоминания в Царском Селе») (Пушкин, I, 82). Тесно связан с этим значением сплошь и рядом повторяющийся уменьшительно-ласкательный эпитет «матушка Москва»: *Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве* («Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов») (Пушкин, XI, 206); *Из «Московских ведомостей», единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили матушки нашей* (письмо к М. П. Погодину. Начало ноября 1830 г. Из Болдина в Москву) (Пушкин, XIV, 121); *Удостоите меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву* (письмо к М. Н. Загоскину от 9 июля 1834 г. Из Петербурга в Москву) (Пушкин, XV, 177).

Подобно тому, как в народных былинах древний Киев ассоциируется с древней Русью и непременно называется «стольным градом Киевом», в творчестве Пушкина неоднократно подчёркивается, что Москва – это «первопрестольная» столица России. Такой эпитет и такой образ Москвы мы находим в самых различных по жанру художественных произведениях Пушкина, в литературно-критических статьях и набросках: в романе «Евгений Онегин»: *первопрестольная Москва* (черновые рукописи) (Пушкин, VI, 449); в повести «Гробовщик» из «Повестей Белкина»: *Пожар двенадцатого года, уничтожив первопрестольную столицу, истребил*

и его (чухонца Юрка. – С. Д.) жёлтую будку (Пушкин, УШ, 91); в критических памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»: ... к чему такая выходка противу первопрестольного града? (Пушкин, XI, 206) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»: ... не ожидал я, чтоб «Северная пчела» возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу (Пушкин, XI, 213).

Наряду с эпитетом «первопрестольная» в поэзии, в исторических сочинениях, в статьях и в эпистолярном наследии Пушкина в приложении к Москве очень часто встречаются синонимические эпитеты «древняя» и «старая», «старушка Москва» (последний эпитет, возможно, сложился под влиянием народных пословиц: см. ниже в конце абзаца): *В почтенной кичке, в шушуне / Москва премилая старушка* (вариант белого автографа послания «Всевожскому (Пушкин, II, 580); Он (Карл XII. – С. Д.) шёл на древнюю Москву... (поэма «Полтава») (Пушкин, У, 23); *И перед младшею столицей / Померкла старая Москва...* (поэма «Медный всадник») (Пушкин, У, 136); *Приехав в Москву, Бибиков нашёл старую столицу в страхе и унынии* («История Пугачёва») (Пушкин, IX, 32); «... но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточённых гонителей моего друга и непочтительного «Сына отечества», издаваемого над нашей древнею Москвою («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем») (Пушкин, XI, 213); ... золотые маковки старой столицы («Путешествие из Москвы в Петербург») (Пушкин, XI, 238), ...государь опять явился в древней столице (Пушкин, XI, 238), *Во всех концах древней столицы гремела музыка* (Пушкин, XI, 246), *Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы* (там же): ср. *Москва горбатая; горбатая старушка* (т.е. на холмах) (Даль, 1957, 330).

Для Пушкина именно Москва (а не Петербург) всегда являлась символом России, «сердцем России» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Варианты черновой редакции главы «Москва» (Пушкин, XI, 482); *Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствия или слава отечества не отзывается в этом сердце [России]* (варианты черновой редакции главы «Москва» «Путешествия из Москвы в Петербург») (Пушкин, XI, 482). Поэтому в творческом сознании поэта Москва и Россия – понятия синонимичные, если не тождественные: *Благослови Москву, Россия*» (стихотворение «Наполеон») (Пушкин, II, 215); *В Москве не царь, в Москве Россия* (варианты чернового автографа стихотворения «Наполеон») (Пушкин, II, 711) и тождественные варианты белой редакции

этого стихотворения (Пушкин, II, 715, 719); *Что нужно Лондону, то рано для Москвы* (в значении «для России». – С. Д.) («Послание цензору») (Пушкин, II, 267); *И ты, Москва, страны родной / Глава сияющая златом...* (основной черновик поэмы «Медный всадник») (Пушкин, V, 439).

Ещё чаще и последовательнее эти два равновеликие понятия - «Москва» и «Россия» - выявляются в трагедии «Борис Годунов»: «**П а т р и а р х . . . что ещё выдумал ! буду царём на Москве !**» (выделенные Пушкиным курсивом слова дважды повторяются в реплике патриарха) (Пушкин, VII, 24), «**Ф е о д о р . Чертеж земли московской; наше царство / Из края в край**» (Пушкин, VII, 43), «**Хрущов (бьёт челом). Мы из Москвы, опальные, бежали...**» (Пушкин, VII, 53), «**В с е . . . Да здравствует великий князь московский!**» (Пушкин, VII, 54), «**В и ш н е в е ц к и й . . . и думал ли ты, Мнишек / Что мой слуга взойдёт на трон московский?**» (Пушкин, VII, 55), «**Самозванец . . . Как назову московскою царицей**» (Пушкин, VII, 58), «**М а р и н а . . . Помощница московского царя**» (Пушкин, VII, 59), «**М а р и н а . . . Наследнику московского престола**» (Пушкин, VII, 60), «**С а м о з в а н е ц . . . Достойные московского престола**» (Пушкин, VII, 62), «**Веди полки скорее на Москву / Очисти Кремль, садись на трон московский...**» (Пушкин, VII, 65), «**К у р б с к и й . . . Сей добрый меч, слуга царей московских!**» (Пушкин, VII, 66), «**К у р б с к и й . . . Вот наша Русь: она твоя, царевич. / Там ждут тебя сердца твоих людей: / Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава**» (Пушкин, VII, 67).

Таким образом, Москва в художественном мире Пушкина представлена не столько как историко-географическая реальность, сколько как знак или символ России. Этот как бы внепространственный признак Москвы закреплён не только в лирике, в поэмах и драматургии Пушкина, но и в его художественной прозе, в исторических сочинениях и в литературно-критических статьях: *Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою* («Капитанская дочка») (Пушкин, VIII, 353); *Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась* («Рославлев») (Пушкин, VIII, 153. В черновой редакции «Рославлева» вместо «Москва взволновалась» было: «Россия взволновалась» (Пушкин, VIII, 748); *Пили здоровье русских и немцев. Пили в честь Москвы и Минхена* (Мюнхена. – С.Д.). *Пили здоровье России и Германии* (варианты автографа «Гробовщика») (Пушкин, VIII, 630. В окончательном тексте повести осталось только: *... пили здоровье Москвы и целой дюжины германских городков* (Пушкин, VIII, 91); *То ли ещё будет! – говорили прощённые мятежники, – так ли мы тряхнём Московю*

(«История Пугачёва») (Пушкин, IX, 12); ... *Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае* («Опровержение на критики») (Пушкин, XI, 159).

Часто образ Москвы предстаёт в произведениях Пушкина совершенно в духе фольклорной традиции. Так, в русском фольклоре вообще и в пословицах и поговорках в частности мы находим такое народное представление о Москве: «Москва всем городам мать» (Даль, 1957, 330) (ср. приведённые выше в первом абзаце нашей статьи пушкинские характеристики Москвы в разных его произведениях), «Кто в Москве не бывал, красоты не видал» (Даль, 1957, 330). Ср. у Пушкина: *Где ты, краса Москвы стоголовой, / Родимой прелесть стороны?* («Воспоминания в Царском Селе») (Пушкин, I, 81); «*Москва, краса страны родной*» (основной черновик поэмы «Медный всадник») (Пушкин, У, 439); *Самозванец. ... Я в красную Москву / Кажу врагам заветную дорогу* («Борис Годунов») (Пушкин, УII, 67).

Продолжим сравнение с фольклором пушкинских художественных определений Москвы. «*Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая*» (Даль, 1957, 330). Почти каждый эпитет, так или иначе характеризующий Москву в этой пословице, «отзывается» тем или иным образом в пушкинских произведениях и письмах.

Начнём с эпитетов «белокаменная» и «златоглавая»: *Перед ними / Уж белокаменной Москвы / Как жар, крестами золотыми / Горят старинные главы* (в этих строках «Евгения Онегина» причудливым образом сочетаются оба фольклорных (называемых в фольклористике «постоянными») эпитета Москвы) (Пушкин, УI, 154); *Больно для русского сердца слушать таковые отзвыи о матушке Москве, о Москве белокаменной...* («Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов») (Пушкин, XI, 206); ... *Как будто мрачные картины его* (Радищева. – С.Д.) *воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной* («Путешествие из Москвы в Петербург») (Пушкин, XI, 245); ... *так и теперь опять еду в белокаменную* (письмо к Н.С.Алексееву от 1 декабря 1826 г. Из Пскова в Кишинёв) (Пушкин, XIII, 309); ... *по крайней мере хочется зимою побывать в белокаменной* (письмо к М. П. Погодину от 31 августа 1827 г. Из Михайловского в Москву) (Пушкин, XIII, 341); ... *Где дерзостный восстал Иван-Великой, / На голове златой носящий крест* (поэма «Монах») (Пушкин, I, 10); *И Кремль главами золотыми...* (черновые рукописи «Евгения Онегина») (Пушкин, УI, 449).

В главе «Москва» «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин вспоминает о народных пословицах в связи со знаменитыми московскими пирами и обедами и вообще московским хлебосольством: «*Московские обеды (так оригинально описанные кн. Долгоруким) вошли в пословицу*» (Пушкин, XI, 246). Говоря об истинно русском радушии и хлебосольстве москвичей, Пушкин, по-видимому, имеет в виду стихотворения известного в то время поэта кн. И. М. Долгорукого (Долгорукова) (1764 – 1823) «Камин в Москве» и «Пир» (1802), посвящённые этой теме (в черновом, первоначальном варианте «Путешествия из Москвы в Петербург» вместо Долгорукого упоминался кн. П. А. Вяземский). Действительно, не только в приведённой выше пословице «*Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая*», но и во многих других говорится о московском хлебосольстве, гостеприимстве: «*Славна Москва калачами, Петербург усачами*», «*Хлеба-соли покушать, красного звону (матушки Москвы) послушать*», «*В Москве всё найдёшь, кроме птичьего молока*», «*В Москве недорода хлебу не бывает*», «*Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят*», «*Москва любит запасец*», «*Москва людна и хлебна*» (Даль, 1957, 330 – 331).

Эта черта московского быта, точно подмеченная в народных пословицах и поговорках, выявлена во многих произведениях и письмах Пушкина: в стихотворении «*Всеволожскому*»: «*Москва пленяет пестротой, / Старинной роскошью, пирами....*» (Пушкин, II, 101); в основном тексте и в черновых рукописях «*Евгения Онегина*»: «*И вот по родственным обедам / Развозят Таню каждый день...*» (имеются в виду московские обеды. – С. Д.), «*Родне, прибывшей изда-леча, / Повсюду ласковая встреча, / И восклицанья, и хлеб-соль*» (Пушкин, VI, 158), «*Москва Онегина встречает / Своей восточной суетой, / Старинной кухней угощает, / Стерляжьем потчует ухой*» (Пушкин, VI, 479); в незаконченном романе «*Рославлев*»: «*Она (французская писательница мадам де Сталь. – С. Д.) приехала летом, когда большая часть московских жителей разъехалась по деревням. Русское гостеприимство засуетилось; не знали, как угостить славную иностранку. Разумеется, давали ей обеды*» (Пушкин, VIII, 151), «*Отец её (Полины. – С. Д.), как нам уже известно,.. только и думал, чтоб жить в деревне, как можно более по московскому. Давал обеды...*» (Пушкин, VIII, 155); в набросках романа «*Русский Пелам*»: «*Москвичи помнят ещё его (отца героя романа. – С. Д.) обеды...*» (Пушкин, VIII, 416); в «*Путешествии из Москвы в Петербург*»: «*Некогда в Москве пребы-*

вало богатое, неслужащее боярство, вельможи, оставившие службу, люди,.. склонные к пышным увеселениям, к безвредному злоречию и к дешёвому хлебосольству (Пушкин, XI, 240); в письме к П. В. Нащокину от 22 октября 1831 г. (из Петербурга в Москву): *Что-то Москва? Как вы приняли государя и кто возьмётся оправдать старинное московское хлебосольство?* (Пушкин, XIV, 237).

Эпитет из приведённой выше пословицы о «православной» Москве встречается в творчестве Пушкина лишь один раз – в трагедии «Борис Годунов»: *«Щ е л к а л о в. Заутра вновь святейший патриарх, / В Кремле отпев торжественно молебен, / Предшествуем хоругвями святыми, / С иконами Владимирской, Донской / Воздвигнется; а с ним синклит, бояре, / Да сонм дворян, да выборные люди / И весь народ московский православный...»* (Пушкин, УП, 10 – 11). Последний эпитет из той же пословицы – «словоохотливая» – по отношению к Москве в творчестве Пушкина мы не находим, но зато по существу о том же – о склонности москвичей к разным толкам и пересудам – говорится у поэта не один раз: в «Родословной моего героя»: *«Люблю от бабушки московской / Я толки слушать о родне, / О толстобрюхой старине»* (Пушкин, III, 427); в основном тексте и в черновых рукописях «Евгения Онегина»: *«Татьяна вслушаться желает / В беседы, в общий разговор; / Но всех в гостиной занимает / Такой бессвязный, пошлый вздор; / Всё в них так бледно, равнодушно; / Они клеветают даже скучно; / В бесплодной сухости речей, / Расспросов, сплетен и вестей / Не вспыхнет мысли в целы сутки, Хоть невзначай, хоть наобум...»* (Пушкин, УI, 159 – 160), *Замечен он (Онегин. – С. Д.) – об нём толкует / Велеречивая Москва...* (Пушкин, УI, 479).

Прочно связано в народных пословицах и в творчестве Пушкина представление о Москве как о городе невест: «Питер женится, Москва замуж идёт» (Даль, 1957 330), «Славится Москва невестами, колоколами да калачами» (Даль, 1957 331). Рисую в «Путешествии из Москвы в Петербург» былую, «допожарную» Москву, Пушкин приводит следующую пословицу: *Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками* (Пушкин, XI, 246). Эта пословица не имеет точного соответствия в фольклорных сборниках. Народ сложил об этих двух русских городах отдельные изречения, близкие по смыслу и словесному оформлению пушкинскому афоризму: приведённая выше пословица «Славится Москва невестами, колоколами да калачами» (Даль, 1957, 331); «Вязьма в пряниках увязла», «Вязьмичи – пряничники, коврижники. Мы люди неграмотные, едим пряники неписанные» (Даль, 1957, 344).

Пушкин, прекрасно знакомый с этими меткими, остроумными, добродушно-насмешливыми народными высказываниями, как бы контаминирует, составляет из двух народных пословиц одну новую, собственную, что не противоречит традициям фольклора. Приём контаминации для устного народного творчества вполне допустим и часто применяется не только в жанре пословиц, но также в сказках, былинах и песнях.

Следует отметить, что в главе «Москва» «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин для подтверждения своих мыслей привлекает не только русские, но и французские пословицы, что свидетельствует о широте фольклористических интересов поэта. Так, в иронически-шутливом пассаже о московских балах и невестах Пушкин приводит французскую пословицу: *Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пирры, чудачки и проказники – всё исчезло; остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу: «vieilles comme les rues («стары, как улицы» - франц. – С. Д.): московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, всё ещё цветущих розами (курсив Пушкина. – С. Д.)»* (Пушкин, XI, 246). О том, что Москва всегда славилась своими невестами, Пушкин говорит не только в «Путешествии из Москвы в Петербург», но и в «Евгении Онегине». Вспомним тот «совет разумный и благой», который даёт матери Татьяны Лариной, обеспокоенной тем, что её старшая дочь даёт решительный отказ всем провинциальным женихам: *Что ж, матушка? За чем же стало? / В Москву, на ярманку невест! / Там, слышно, много праздных мест»* (Пушкин, У1, 150). И Татьяна, действительно, даже сама не желая того, выступает в Москве в роли невесты и находит себе жениха – «важного генерала». Но это происходит в конце седьмой главы романа, а до того, как бы подтверждая слова соседа Лариных о Москве как «ярманке невест», Пушкин, описывая бал в московском дворянском собрании, пишет: *Там теснота, волненье, жар, / Музыки грохот, свеч блистанье, / Мельканье, вихорь быстрых пар, / Красавиц лёгкие уборы, / Людьми пестреющие хоры, / Невест обширный полукруг...* (Пушкин, У1, 161). Да и сам Пушкин обрёл себе невесту – Наталью Николаевну Гончарову - именно в Москве, о чём он упоминает в автобиографическом стихотворении «Дорожные жалобы», созданном в болдинскую осень 1830 года: *То ли дело быть на месте, / По Мясницкой разъезжать, / О деревне, о невесте / На досуге помышлять!* (Пушкин, III, 178).

Пушкинское восприятие Москвы как его реальной и духовной родины менялось в разные годы его жизни и в разные периоды его творчества. Но одно оставалось неизменным: радость встреч и горечь разлук с этим замечательным и неповторимым городом. Полнее и ярче всего это выразилось в знаменитых строках «Евгения Онегина»:

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!*
(Пушкин, У1, 155).

Таким образом, пушкинская Москва – это целый мир понятий, образов, поэтических и бытовых ассоциаций, это определённое географическое и культурное пространство, образующее свой собственный городской «текст». После того, как В. Н. Топоров чрезвычайно удачно ввёл в научный оборот термин «петербургский текст» и разработал методологию его изучения (Топоров, 1995, 259-267), появилось немало работ и о «московском тексте» русской литературы (например, Малыгина, Беляева, 2004). Данная статья, где мы попытались рассмотреть некоторые элементы «московского текста», функционирующие в творчестве Пушкина, является лишь одним из подступов к этой большой и всё ещё требующей более исчерпывающего освещения темы.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В., 1957, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Малыгина Н., Беляева И., 2004, *Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре*. Материалы УП Виноградовских чтений. Редакторы-составители: Н. М. Малыгина, И. А. Беляева. Москва: МГПУ.

Пушкин А. С., 1937 – 1949, *Полное собрание сочинений* в 16 т. Издательство АН СССР. Римскими цифрами указан том, арабскими – страница этого издания.

Топоров В., 1995, *Петербург и «Петербургский текст русской литературы»* - Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Москва: Прогресс.

Moscow in the Creative Thought of A. S. Pushkin

Summary

The article is devoted to the image of Moscow in A. S. Pushkin's creative thought. Pushkin's Moscow is a real world of concepts, images, poetic and everyday life associations, it is a special geographical and cultural space, which forms its own city "text". For Pushkin Moscow had always been a centre of the Russian State system, Russian spirituality, and centuries-old culture of Russian people. That is why the image of Moscow often appears in Pushkin's works quite in the spirit of folklore tradition.

Key words: *Moscow, creative work, associations, proverbs, images, culture.*